

DOI: [10.14515/monitoring.2025.1.2532](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2532)**И. В. Лисовская, А. С. Андреева, Н. С. Соловьева****«НАША ЗАДАЧА — ЗАВЛЕЧЬ КАК МОЖНО БОЛЬШЕ МОЛОДЕЖИ
ПРОСТО ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ЗАНЯТЬ ЕЕ ВРЕМЯ»:
МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ НИШ АГЕНТНОСТИ СУБЪЕКТОВ
МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕГИОНАХ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ****Правильная ссылка на статью:**

Лисовская И. В., Андреева А. С., Соловьева Н. С. «Наша задача — завлечь как можно больше молодежи просто для того, чтобы занять ее время»: модели развития ниш агентности субъектов молодежной политики в регионах Северо-Запада России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 1. С. 83—106. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2532>.

For citation:

Lisovskaya I. V., Andreeva A. S., Soloveva N. S. (2025) "Our Task is to Engage as Many Young People as Possible Just to Occupy their Time": Youth Policy Subjects' Models of Developing Niches of Agency in the Russian North. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 83—106. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2532>. (In Russ.)

Получено: 05.12.2023. Принято к публикации: 31.10.2024.

«НАША ЗАДАЧА — ЗАВЛЕЧЬ КАК МОЖНО БОЛЬШЕ МОЛОДЕЖИ ПРОСТО ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ЗАНЯТЬ ЕЕ ВРЕМЯ»: МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ НИШ АГЕНТНОСТИ СУБЪЕКТОВ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕГИОНАХ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ

ЛИСОВСКАЯ Ирина Викторовна — кандидат социологических наук, научный сотрудник Центра молодежных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: ilisovskaya@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6495-1970>

АНДРЕЕВА Анастасия Сергеевна — аспирант, стажер-исследователь Центра молодежных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: as.andreeva@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0222-2112>

СОЛОВЬЕВА Наталья Сергеевна — аспирант, младший научный сотрудник Центра молодежных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: chernyshyova.natalia@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-1689-3838>

Аннотация. В фокусе статьи — модели формирования ниш агентности, применяемые субъектами молодежной политики для решения вопросов благополучия молодежи в регионах Северо-Запада России. Рассматривая дебаты о благополучии молодежи в целом и конкретно в арктических регионах, авторы используют подход ниши агентности, согласно которому властные структуры северных регионов могут расширять поле своей агентности, когда взгляды центральных и местных субъектов политики на региональное развитие расходятся.

“OUR TASK IS TO ENGAGE AS MANY YOUNG PEOPLE AS POSSIBLE JUST TO OCCUPY THEIR TIME”: YOUTH POLICY SUBJECTS’ MODELS OF DEVELOPING NICHES OF AGENCY IN THE RUSSIAN NORTH

Irina V. LISOVSKAYA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Research Fellow at the Center for Youth Research
E-MAIL: ilisovskaya@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6495-1970>

Anastasiia S. ANDREEVA¹ — PhD student; Trainee Researcher at the Center for Youth Research
E-MAIL: as.andreeva@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0222-2112>

Natalia S. SOLOVEVA¹ — PhD student; Junior Researcher at the Center for Youth Research
E-MAIL: chernyshyova.natalia@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-1689-3838>

¹ HSE University, St. Petersburg, Russia

Abstract. The article focuses on models for the development of the niches of agency used by subjects of youth policy to address issues of youth well-being in the regions of North-West Russia. Considering the debate about youth well-being in general and specifically in the Arctic regions, the authors use the niche of agency approach, according to which power structures of the Northern regions can widen their share of agency when the view of the subject from the inside diverges from the center’s concept of regional development. The empirical material is presented by 65 interviews with ex-

Эмпирический материал представлен 65 интервью с экспертами из шести городов Северо-Западного федерального округа (Калининграда, Пскова, Архангельска, Петрозаводска, Мурманска, Сыктывкара), представляющих властные структуры региональных правительств, сферы образования и бизнеса, а также региональных работодателей и молодежные движения. Авторы выделяют три модели формирования ниши агентности, применяемые вовлеченными субъектами молодежной политики с целью поддержания и развития благополучия молодежи: активистскую, родительскую и кадровую. Специфика каждой модели обусловлена расположением суждений агентов МП вдоль векторов напряжения, отражающих представления агентов о молодежи и процессе реализации молодежной политики.

Ключевые слова: молодежь, молодежное благополучие, онтологическая безопасность, ниша агентности, молодежная политика, субъекты молодежной политики, Северо-Запад России

Благодарность. Проект «Выбор жизненных стратегий талантливой молодежью и ее роль в повышении конкурентоспособности российских регионов как ответ на глобальные вызовы „утечки мозгов“», исследование выполнено за счет гранта РФФ № 21-18-00122.

Благодарим руководителя проекта Елену Омельченко, а также коллег, участвовавших в сборе полевых данных: Дмитрия Омельченко, Святослава Полякова, Евгению Кузинер, Дарью Петрунину. Также благодарим всех проводников и информантов, принявших участие в исследовании.

perts from six cities of the Northwestern Federal District (Kaliningrad, Pskov, Arkhangelsk, Petrozavodsk, Murmansk, Syktyvkar): representatives of the power structures of regional governments, education system, tourism, business, regional employers, and youth movements. The authors identify 3 models for developing niches of agency deployed by subjects of youth policy to maintain and develop youth well-being. The specificity of the activist, staff, and parent model is determined by the location of the judgments of youth policy agents along the tension vectors reflecting the agents' ideas about youth and the process of implementing youth policy.

Keywords: youth, youth well-being, ontological security, niche of agency, youth policy, subjects of youth policy, North-West of Russia

Acknowledgments. The research “The choice of life strategies by talented young people and their role in enhancing the competitiveness of Russian regions as a response to global challenges of the ‘brain drain’” was supported by the Russian Science Foundation, № 21-18-00122.

We thank the project leader Elena Omelchenko, as well as colleagues who participated in collecting field data: Dmitry Omelchenko, Svyatoslav Polyakov, Evgeniya Kuziner, Daria Petrunina. We also thank all the guides and informants who took part in the study.

Дебаты о благополучии молодежи на Севере

Поскольку на молодежь возлагается ответственность за будущее страны, вовлеченные в работу с ней властные субъекты заинтересованы в ее благополучии [Омельченко, Лисовская, 2022]. На Севере мы видим больше вызовов благополучию молодежи по сравнению с другими регионами [Недосека, Шарова, 2020; Сулейманова, 2020; Гутова и др., 2022], что связано с повышенным риском для ментального здоровья из-за особых климатических условий, а также с особенностями этнокультурного развития региона [Etter et al., 2019, Бочаров и др., 2015]. Так, Н. Б. Семенова полагает одной из причин высокого уровня самоубийств среди коренной молодежи Севера «этнические особенности эмоциональной сферы» [Семенова, 2011: 12].

«Молодежное благополучие» — широко применяемое понятие, но его до сих пор сложно концептуализировать в академической дискуссии. Часто параметры «молодежного благополучия» предлагаются без участия молодежи и без учета ее мнения — на уровне разработки теоретических концепций и на уровне государственной политики [Wyn et al., 2015; Stammler, Toivanen, 2022]. Количественные оценки благополучия становятся аргументами в неолиберальной риторике: молодым людям предписывается непрерывное личностное развитие и сохранение конвенционального ментального здоровья для устойчивости вызовам среды [Ryan, Deci, 2001; McLeod, 2017]. Исследователи критикуют использование концепции благополучия в социологии молодежи в качестве панацеи, способной сделать молодежь сильнее, инициативнее, выносливее без кардинальных трансформаций структурных характеристик среды взросления [McLeod, Wright, 2016; Coffey, 2022].

Устоявшееся понимание благополучия как отсутствие вреда и лишений представляется слишком узким и неспособным отразить социальную реальность [Ortner, 2016]. В такой трактовке «благополучие» сближается с «негативной» безопасностью, призванной предотвратить прямые угрозы для населения с вовлечением военизированных структур, в противовес «позитивной» безопасности, основанной на создании чувства доверия и комфорта в социуме [Gjørvi, 2012]. Дискуссия о безопасности является важной частью в определении молодежного благополучия, особенно в контексте исследований Севера [Hoogensen, 2009; Stammler, Toivanen, 2022], при этом само определение безопасности требует пересмотра.

Хотя Север часто представляется как фронтир, где важна прежде всего физическая безопасность (ввиду климатических особенностей и геополитического положения), для молодежи Севера первоочередное значение имеет онтологическая безопасность, подразумевающая ощущение себя цельной личностью и чувство уверенности в своей идентичности и стабильности связей с другими людьми [Dankertsen, Pettersen, Otterlei, 2021; Stammler, Hodgson, Ivanova, 2020]. Вслед за Э. Гидденсом, который подчеркивает важность стабильности в когнитивной среде и отношениях с другими [Giddens, 1991], А. Данкерстен и соавторы пишут о значимости поддержания государством онтологической безопасности ради стабильного общества, гарантирующего прочные социальные связи и идентификацию с местом, основанную на чувстве значимости для региона [Dankertsen, Pettersen, Otterlei, 2021]. Концепция онтологической безопасности, близкая к «позитивной» безопасности, стремится к комплексному пониманию молодежного благополу-

чия: в обоих отдаётся приоритет ценностям равенства, справедливости и доверия [Jiménez, 2008]. При этом в российские исследователи фиксируют в государственной политике снижение приоритета онтологической безопасности и рост значимости милитаристской повестки [Sergunin, 2019; Gavrilov, 2019; Karaganov, 2021]. Как российские, так и зарубежные программы позитивного развития молодежи исходят из концепции негативной безопасности: их проект обеспечения молодежного благополучия основывается на устранении рисков [Roth, Brooks-Gunn, 2015; Coleman, 2021]. Этот подход упускает значимость благополучия для самой молодежи и не учитывает условия времени и контекста.

Кроме того, российские субъекты региональной молодежной политики (МП) проблематизируют гедонистические потребности молодых людей. Изучая российские и финские малые северные города, исследователи обнаружили, что субъекты МП пытаются переориентировать молодых людей на возвышенные идеалы и ценности, критикуя их «бесцельный досуг» (например, встречи в торговых центрах) [Adams, Allemann, Tynkkynen, 2022]. Стремясь контролировать свободное время молодых людей, субъекты МП создают специальные рекреации — молодежные клубы и пространства при центрах, аффилированных с органами местной власти. Что показательно, в региональных мониторингах фиксируется низкая популярность подобных проектов, а молодежные досуговые выборы вызывают тревогу и у практиков, и у теоретиков МП [Силин, Койшина, 2016].

Ниши агентности и молодежный вопрос на Российском Севере

Ввиду сохраняющейся проблемы «утечки мозгов» в северных регионах есть острая потребность в производстве и восполнении кадров [Степуть, Симакова, 2018; Маркин, Силин, Воронов, 2019], для чего необходимо эффективно привлекать и сохранять молодежь в регионе [Pitukhina, Tolstoguzov, Ilyin, 2021; Ljovkin et al., 2020; Омельченко, Омельченко, 2022]. Крупные корпорации становятся вовлеченными агентами МП, поскольку их интересует возвращение будущих кадров, удержание «мозгов» в регионе. Они берут на себя функции по созданию досуговой инфраструктуры, сетей дополнительного образования, доступного профилированного обучения с ранним приглашением на региональные производства. Таким образом, не только молодежные сервисы, но и крупные корпорации определяют благополучие «за молодежь», становясь значимым агентом МП [Ivanova, Oglezneva, Stammli, 2022; Adams, Allemann, Tynkkynen, 2022]. В системе молодежной политики на Севере с ее сетями по воспитанию, контролю и заботе о благополучии молодежи мы видим черты «ниши агентности» (niche of agency).

Концепция ниш агентности продвигается как российскими, так и зарубежными исследователями Севера и Арктики [Ivanova, Oglezneva, Stammli, 2022] в контексте, предложенном Г. Фондаль и коллегами: властные структуры северных регионов могут расширять долю своей агентности, когда взгляды центральных и местных субъектов политики на региональное развитие расходятся [Fondahl et al., 2019]. Мы берем за основу концепцию Г. Фондаль и коллег, но считаем, что ниша агентности проявляется не только в противостоянии позиции региона центру, но и в расширении сферы влияния в регионе на направления деятельности МП.

Парадигма ниш агентности встраивается в социологическую традицию интерпретации «агентности» как атрибута не только (и не столько) индивида, но социальной среды [Сорокин, 2023; Emirbayer, Mische, 1998]. «Агентность» в «нише агентности» сближается с трактовками Л. Удена — способность создавать новые структуры и проактивно воздействовать на существующие [Udehn, 2002], а также С. Кравченко и В. Фетисова — действие, способное менять социальную среду через трансформации, выходящие за пределы объективных трендов саморазвития структур [Кравченко, 2022; Фетисов, 2022].

Оптика ниши агентности помогает изучать регионы с особыми климатическими условиями и то, как в этих условиях создаются коллаборации между бизнесом, властью и населением для решения специфических региональных вопросов. Чаще всего исследования ниш агентности в российских регионах имеют юридический характер, например, когда речь идет о трансформации российского законодательства в отношении коренных народов Севера [Kryazhkov, 2013] или о проблемах применения государственной повестки в отношении Дальнего Востока [Kuhrt, 2014]. Кроме того, подобная оптика используется для исследования уникальных кейсов: например, коллаборации этнических сообществ и крупных корпораций для решения важных социальных и промышленных вопросов в Республике Саха [Stammler, Ivanova, 2016] или стратегий и моделей получения этническими сообществами Арктики выгод от добычи нефти и разработок благодаря «лазейкам» в законодательстве и корпоративной политике [Tysiachniouk et al., 2018]. Однако в этих исследованиях особый акцент делается именно на крупные корпоративные субъекты, а другие влиятельные агенты остаются упущенными из виду.

В данной статье концепция ниш агентности будет рассматриваться в контексте молодежной политики в продолжение дискуссии, развернутой в статье А. Ивановой, Т. Оглезневой и Ф. Штаммлер [Ivanova, Oglezneva, Stammler, 2022]. По мнению исследователей, региональные власти, органы МП, работодатели и иные субъекты при работе с молодежью ориентируются на федеральное законодательство в сфере МП¹, но принимают во внимание специфику и потребности региона. В нашем понимании ниши агентности в северных регионах — это устойчивые коллаборации заинтересованных региональных органов, структур или агентов МП, вовлеченных в решение «молодежного вопроса» в регионе, продвигающие тот или иной актуальный для территории вектор (или находящиеся в оппозиции государственному видению молодежи благополучия). Своими действиями они меняют устойчивые структуры и среды (ими могут быть как региональные органы власти, так и молодежные экосистемы города, например, креативные пространства). Такие коллаборации не обязательно привязаны к решению вопросов местных промышленных комплексов и связанных с ними социальных гарантий. Отношения с корпорациями, безусловно, важны для северных регионов, но молодежь — проект будущего в глазах государства; оставшись в регионе, она может стать решающей силой в его развитии, а покинув регион — стать косвенной причиной его упадка. Поэтому в решение задачи обеспечения молодежного благополучия вовлекается большое количество агентов: не только корпорации, но и разные социальные

¹ К примеру, Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации».

сервисы (НКО, региональные органы молодежной политики, система образования, общественность). Все вместе они формируют нишу агентности.

Важно понимать, каким образом вовлеченные агенты выстраивают диалог с молодежью в разных регионах Северо-Запада России, развивают собственные векторы в рамках молодежной политики с ориентацией на благополучие молодежи и в целом региона с его особыми потребностями. Мы полагаем, что концепция ниш агентности с ее акцентом на коллаборации между бизнесом, властью и населением в лиминальном пространстве Севера представляет собой актуальную теоретическую рамку, позволяющую рассмотреть молодежное благополучие не «от противного» (как исключение угроз), а в позитивном смысле. Поэтому в данной статье мы сосредотачиваемся на анализе моделей формирования ниш агентности в рамках поддержания молодежного благополучия субъектами МП СЗФО.

Методология исследования

Статья обобщает данные экспертных интервью, полученных в рамках исследования «Выбор жизненных стратегий талантливой молодежью и ее роль в повышении конкурентоспособности российских регионов как ответ на глобальные вызовы „утечки мозгов“». Проект посвящен исследованию оттока квалифицированных специалистов из регионов Северо-Запада, механизмов их мотивации остаться. Одна из задач этого проекта заключалась в обобщении способов интеграции выпускников в региональные социально-экономические системы в городах СЗФО.

География исследования включала Калининград, Псков, Архангельск, Петрозаводск, Мурманск, Сыктывкар. Эти города расположены вблизи миграционно привлекательного крупного населенного пункта — Санкт-Петербурга, большая часть — в непосредственной близости к границам стран Европы. Они являются центрами областей и республик и выступают точками притяжения для региональной молодежи. При этом между исследуемыми территориями, несмотря на их сопоставимость, существуют различия на уровне географии, истории и материального благосостояния населения, что позволяет уловить региональную специфику ниш агентности и выявить их общие структурные элементы.

Экспертные интервью проводились в шести городах исследования с представителями четырех сфер работы с молодежью: бизнеса — потенциальными работодателями, HR-специалистами и руководителями наиболее значимых для города компаний; с работниками государственных структур, ответственных за интеграцию местной молодежи, — специалистами по молодежной политике, депутатами молодежных партий, правительством региона; с организаторами образовательного процесса в опорных вузах городов исследования — проректорами, заведующими кафедрами; с научными работниками регионов, изучающими молодежные вопросы, — представителями местных РАН, заведующими научных лабораторий.

Кроме названных групп информантов-экспертов (бизнес, госструктура, наука, образование) в выборке исследования была выделена свободная квота для рекрутинга представителей наиболее значимых и развивающихся сфер в конкретном городе. Эмпирическую базу статьи составили 65 интервью с экспертами. Распределение по регионам представлено следующим образом: Петрозаводск (11), Сыктывкар (10), Мурманск (11), Архангельск (12), Калининград (10), Псков (11).

При отборе информантов не учитывался их пол или возраст; значение имели опыт работы эксперта (не менее года) и позиция в структуре организации (должность, предполагающая руководство, в том числе молодежью). Данные о каждом информанте, чьи цитаты используются в статье, представлены в Приложении.

Данные собраны в промежутке с 2021 по 2022 г., дословно транскрибированы, анонимизированы. Несмотря на то, что беседы с информантами велись по большей части в отношении их поля экспертизы, всем участникам исследования было предложено обсудить и другие сферы жизни молодежи и возможности, предоставляемые городом. Гайд интервью с экспертами включал в себя общую характеристику молодежи и работы с ней, обсуждение условий образования, рынка труда и досуга в городе, возможностей для молодежного предпринимательства, жилищных условий, а также специфики молодежной миграции в городе и регионе. Все интервью прошли процедуру выборочного кодирования для определения основных подходов к реализации МП, которые на втором этапе анализа были упорядочены в качестве элементов моделей формирования ниш агентности в регионах.

Результаты имеют свои ограничения. Во-первых, суждения экспертов могли быть ограничены спецификой их дискурсивных практик, воспроизводящих принятые в России суждения о молодежи [Омельченко, Лисовская, 2022]. Во-вторых, отношение к разным моделям может быть продиктовано самой нишей экспертизы информантов и объясняться структурным неравенством в реализации различных направлений работы с молодежью. В-третьих, различия между городами исследования могут накладывать ограничения на доступ к реализации той или иной модели. В-четвертых, специфика времени, в ходе которого была реализована полевая работа, также могла оказать влияние на полученные результаты. Сбор данных в Калининграде и Пскове сопровождался мерами контроля распространения коронавируса, экспедиции в Петрозаводск и Сыктывкар совпали во времени с началом СВО, в Мурманск и Архангельск — с объявлением частичной мобилизации. Эти события повлияли на реализацию других методов исследования (массовых опросов в вузах, интервью с молодежью), однако исказили данные не столь значительно, как этого можно было бы ожидать [Омельченко, 2023]. Поскольку эксперты описывали опыт интеграции молодежи чаще в прошедшем времени и акцентировали внимание на повторяющихся проблемах, их нарративы не были подчинены логике турбулентности конкретного момента.

Выделенные модели представляют собой идеальные типы, в чистом виде не встречающиеся в практике отдельных экспертов, но демонстрирующие направления для проявления агентности региональных структур молодежной политики.

Векторы напряжения в суждениях агентов молодежной политики о формировании ниши агентности

Разделяя идею о необходимости формирования и расширения ниши агентности, агенты МП СЗФО по-разному видят способы, итоги и барьеры на пути реализации этой идеи. Проанализировав их нарративы, мы выделили три модели формирования ниши агентности: активистскую, родительскую и кадровую. Каждая модель встречается во всех шести городах исследования, вне зависимости от сферы, в которой агенты МП взаимодействуют с молодежью. Хотя данные ука-

зывают на различия в предпочтениях агентов МП той или иной модели формирования ниши агентности в зависимости от города их проживания, фиксировать эти различия в качестве самостоятельных эмпирических выводов кажется слишком сильным заявлением. Вместо того чтобы демонстрировать региональные различия, плохо считываемые на основании 10—12 интервью в каждом из шести городов, мы выводим общие теоретические модели, которые могут быть соотнесены с деятельностью агентов МП из любой сферы и из любого города СЗФО.

Первая группа векторов отражает суждения о молодежи агентов МП. Во-первых, это вектор напряжения «глобальность — локальность»: на одном полюсе — представление о местной молодежи как о неспецифичной; на другом — как об уникальной и нуждающейся в особом подходе, отражающем региональную специфику. Во-вторых, это вектор «широкая прослойка — узкая прослойка»: на одном полюсе — готовность агентов МП работать с широкой прослойкой молодежи, на другом — концентрация усилий на узкой (элитарной) группе. В-третьих, это вектор «самореализация — приспособление»: на одном полюсе — нацеленность на самореализацию молодежи как итог МП, на другом — на приспособление талантов и навыков молодежи под нужды региона.

Вторая группа векторов отражает представления агентов о процессе реализации МП. Вектор «горизонтальная — вертикальная организация» демонстрирует представления агентов МП об их роли: рядом с молодежью или над ней. Вектор «здесь и сейчас — в будущем» показывает суждения о темпоральном характере МП: направлена ли она на достижение молодежного благополучия в настоящем или будущем. Наконец, вектор «старые — новые профессии» демонстрирует суждения о лучших сферах для применения талантов и навыков молодежи: быстро развивающиеся цифровые и креативные профессии или профессии, традиционные для региона (как правило, связанные с промышленностью).

Активистская модель формирования ниши агентности

Первая из выделенных моделей формирования ниши агентности, названная нами активистской, опирается на представление о молодежи как о встроенной в глобальные процессы инициативной прослойке населения, чье благополучие обеспечивается удовлетворением потребностей, главным образом — потребности в самореализации. На векторе «глобальность — локальность» активистская модель смещена к полюсу глобальности: местная молодежь понимается как неспецифичная группа, состояние которой описывается в терминах неопределенности, поиска себя и своего места в жизни. При этом высоко оценивается инновационный потенциал инициативной молодежи — и именно на эту узкую прослойку направлены усилия агентов МП.

...Такие центры, фонды, которые собирают все возможные меры поддержки и, допустим, начинающий свое личное дело даже молодой человек может прийти к ним за помощью. И он получит всю полную информацию, как правильно и где получить ему субсидию, которую он может вложить в свое собственное дело и в перспективе не отдавать эти деньги. У нас такие же меры поддержки есть: развитие сельского хозяйства — начинающие фермеры, которые тоже могут получить беспроцентные субсидии на поддержку и развитие начинания. (Калининград, Илья, эксперт из сферы госуправления)

Старания агентов МП, придерживающихся активистской модели, направлены на самореализацию молодежи: в рамках этой парадигмы молодежь понимается как богатая инициативами группа, чье стремление к самовыражению и саморазвитию нужно лишь направить в выгодное для региона русло. Так, информантка из Сыктывкара высоко оценивает инициативность, поэтому считает поддержку молодежных проектов важной для развития всего региона:

Вот с молодежью-то пойдет все быстрее. Потому что они генерируют, они подключают к себе предпринимателей, предприниматели загораются. И, может быть, это все вот так вот в темпе большом увеличится, но благодаря молодежи. (Сыктывкар, Мария, эксперт из сферы госуправления)

Что касается представления агентов об их роли в процессе реализации МП, они позиционируют себя как находящиеся в более или менее равном положении с молодежью консультанты, которые предоставляют ресурсы для самореализации молодежи в перспективных направлениях. В рамках активистской модели агенты МП предпочитают горизонтальную организацию вертикальной, они выбирают играть роль «советчика», основная задача которого — наблюдать за выбором молодежи и направлять ее по наиболее эффективному пути. При этом агенты МП не несут ответственности за результаты: их задача — предоставить ресурсы и возможности, а овладение инструментами МП — забота молодежи.

На векторе темпоральности активистская модель находится на полюсе «здесь и сейчас»: она ориентирована на проектную деятельность по повышению благополучия молодежи, не имеющую долгосрочных перспектив. Представление о поддержке молодежной деятельности как о вызванной необходимостью «занять молодежь чем-то полезным» здесь и сейчас приводит к тому, что инструментом реализации активистской модели формирования ниши агентности становятся точечные акции поддержки без планирования общей картины, направленные на развитие «soft skills», а не на интеграцию в крупные социальные структуры.

У нас есть Карельский ресурсный центр развития добровольничества, и там все, то есть любое добровольничество, школьное, и есть возможности, когда сами ребята молодые становятся и преподавателями, и ведут отряды, клубы, скаутское движение. То есть для развития инициативы сохранена инфраструктура молодежных организаций. (Петрозаводск, Камилла, эксперт из сферы волонтерства)

Такой формат, по мнению агентов МП, лучше всего соответствует духу времени, для которого свойственно повсеместное распространение ценностей постиндустриального общества при высокой значимости индивидуальных потребностей человека. Кроме того, на векторе «старые — новые профессии» активистская модель находится на втором полюсе: агенты МП проблематизируют недостаток представителей «профессий будущего» в регионе, а низкую дифференцированность локального рынка труда называют причиной высокого уровня молодежной безработицы. Агенты МП предполагают, что для улучшения благополучия молодежи необходимо предоставлять ей разнообразные

пути для реализации собственных инициатив, которые могут сформировать в регионе новые ниши.

Уже не то время, когда всех массово из-под палки выгонять на улицы, давать в руки флажки, прочие вещи, делать это, делать это, делать это. Это уже кануло в Лету, и первое, на что надо ставить акцент, — это вовлеченность и личная заинтересованность каждого молодого человека, да, либо девушки. Который принимает участие где-то, в чем-то. Поэтому широкий спектр возможных мероприятий либо реализация проектов, чтобы каждый человек мог получить ответ на вопрос, как его идеи можно воплотить в жизнь либо где он может применить и найти себя. (Калининград, Илья, эксперт из сферы госуправления)

Итак, оптимальным методом реализации потенциала молодежи сторонники активистской модели среди агентов МП полагают поддержку молодежных инициатив. Такие проекты полезны для развития всего региона, так как молодежь лучше осведомлена об актуальных тенденциях, чем старшее поколение, компетентна, а также вовлекает в свои инициативы других, в том числе стейкхолдеров региона (например, предпринимателей, которые начинают вкладываться в молодежные стартапы). Барьером для реализации этой модели выступает несоответствие целей регионального руководства и целевой аудитории МП (молодежи).

Родительская модель формирования ниши агентности

В представлениях сторонников родительской модели формирования ниши агентности местная молодежь — это специфическая группа, которая должна использовать свои таланты на благо региона, а точнее — на благо градо- и регионообразующих предприятий. Родительская модель расположена на полюсе локальности на векторе «глобальность — локальность»: с точки зрения агентов МП, местная молодежь обладает особым набором свойств, характерных для уроженцев региона, а потому наделяется почетной обязанностью продолжить трудовые традиции региона. Что касается приезжей молодежи, предполагается, что она будет обучаться в местных опорных вузах, получать актуальные для региона профессии, включаться в местное производство — также встраиваться в традиционные сферы труда.

Агенты МП, придерживающиеся родительской модели, готовы работать с широкой прослойкой молодежи: они не выделяют группы молодежи, достойные поддержки («талантливая молодежь», «инициативная молодежь», «молодые предприниматели»), — их взгляды эгалитарны. Главное требование к широким слоям молодежи, на которые ориентирована эта модель, — лояльность. Наиболее эффективно такая модель работает с сельской, малообеспеченной, приехавшей из других регионов молодежью — теми, для кого социальные гарантии, предлагаемые в рамках родительской модели, наиболее привлекательны.

И для работодателя взрослый кандидат интереснее в плане вложений. А молодежь, она ни к чему не привязана. Поэтому если мы найдем способ, как ее сюда привязать... То есть, например, ты пошел работать учителем, мы тебе там дали какую-нибудь льгот-

ную ипотеку, и в течение десяти лет ты ее должен выплатить, иначе ты там ее лишаешься. И десять лет человек точно будет работать. А за десять лет он женится, родит себе детей и привяжется к региону. (Псков, Тамара, эксперт из сферы волонтерства)

Родительская модель ориентирована не на самореализацию молодежи, а на ее включение в решение проблем региона. Эксперты отмечают высокие требования молодежи к рабочему месту, которые выражаются как в финансовом, так и в нематериальном аспекте («Поколение выросло на том, что есть я, для него крайне важно развести, что есть работа, что есть личная жизнь, вы меня не трогайте, вы создайте мне условия для того, чтобы я был счастлив в вашей компании» (Петрозаводск, Жанна, эксперт из сферы бизнеса)). Эту тенденцию большинство агентов МП считает тревожащей: это и предпосылка к оттоку квалифицированных специалистов из региона (потенциально — и из страны), и симптом упадка трудовой этики молодежи. Требовательность молодежи представлена как однонаправленная: она требовательна к другим, но не к себе.

Способность молодежи к быстрой смене места работы, сферы занятости, географической локации конструируется как дефект: экспертов тревожит, что молодежь куда менее лояльна к работодателям, чем предыдущее поколение, легко с ними расстается и не переживает, на что будет жить завтра.

А сейчас ребята хотят искать комфорт для своего, и своей жизни, и в том числе своей работы. Если не понравился там начальник, не понравился кабинет, не понравилась дорога, он говорит: «Все, меня здесь ничего не держит». И это проблема — для работодателей больше, чем для самих ребят. Они уверены, что они найдут себя и в другом направлении. (Калининград, Василий, эксперт из сферы госуправления)

Свою роль в рамках этой модели агенты МП позиционируют как роль родителей, которые передают молодежи основополагающие ценности и сопровождают их на пути становления достойными членами местного сообщества. В родительской модели предусмотрена вертикальная организация: агенты МП выступают как управленцы и воспитатели в одном лице, которым нужен высокий уровень контроля, чтобы обеспечить молодежи благополучие. Эксперты — приверженцы данной модели воспроизводят нарратив, согласно которому молодежь не может руководить сама собой, не может быть эффективна сама по себе, ей всегда нужен взрослый, причем взрослого от молодого отличает не столько более высокая ступень в иерархии, сколько морально-нравственное превосходство.

Ну, с молодежью, конечно, совершенно другой подход. Где-то ты как воспитатель, где-то как постоянный наставник, куратор. Это все равно очень сложно — выстроить отношения «взрослый — взрослый», потому что сегодня они все-таки, ну, очень нуждаются в сопровождении их работы на всех этапах. (Архангельск, Алена, эксперт из сферы госуправления)

Родительская модель нацелена на достижение благополучия молодежи в будущем, что, во-первых, предполагает наставление молодежи в рамках деонти-

ческой этики, во-вторых — ориентацию на структурные изменения, а не точечные действия. Благополучие молодежи в рамках этой модели должно опираться на те же моральные догмы, на которых были воспитаны предыдущие поколения. Благополучие имеет нравственную оценку: благополучные молодые люди — это семьянины, труженики и добропорядочные граждане.

Для достижения этого благополучия предполагается обращаться к старым проверенным методам — и «старым» профессиям. Градо- и регионообразующие промышленные предприятия, породившие трудовые династии, представляют гарантом надежности. Приверженцы родительской модели среди агентов МП не только полагают цифровые и креативные профессии «ненастоящими», «ненадежными» и недостойными высокого звания дела жизни, но и считают популярность этих профессий и распространение удаленной работы причиной упадка трудовой этики молодежи.

Не хотят работать, я говорю, ручками, что называется, хотят, понимаешь, у молодежи же из-за того, что сейчас опять-таки соцсети, да, у нас интернет, доступность всего этого. И вот эти картинки, как я называю, иллюзорные. (Псков, Екатерина, эксперт из сферы госуправления)

Инструменты для достижения благополучия молодежи, которые сторонники родительской модели считают оптимальными, во многом взяты из прошлого. Высказываются предложения вернуть систему распределения на рабочие места после учебы, наладить единую систему профориентации, предоставлять жилье за работу на предприятии. Барьером для реализации данной модели выступает невозможность конкурировать на уровне профессий с быстро развивающимися креативным и цифровым секторами. Так, эксперт из Пскова видит причину низкой востребованности предприятий промышленности у молодежи в непопулярности рабочих профессий по сравнению с профессиями умственного труда.

Умирующие специальности, сейчас молодежь, к сожалению, ну, не готова, да, ну, не хочет она идти на завод к станку. Все хотят идти в интернет либо кто-то, ну, в продажи. И вот такой вот поток именно рабочего класса у нас очень-очень маленький. (Псков, Наталья, эксперт из области поддержки и сопровождения бизнеса)

Кадровая модель формирования ниши агентности

Для сторонников кадровой модели формирования ниши агентности местная молодежь представляется частным случаем глобального молодого поколения, соответственно, и развивать таланты местных юношей и девушек необходимо в направлениях, востребованных на мировой арене. Кадровая модель ориентирована на узкую прослойку молодежи, обладающей знаниями, умениями и навыками, которые, согласно прогнозам, будут наиболее востребованы в будущем (упомянутся студенты, желающие самообразовываться, юные таланты, которые могут принести региону славу, молодые предприниматели). В нарративах экспертов особо подчеркивается важность молодежного предпринимательства. Его развитие служит трем целям: повышению инновационного потенциала региона, в ко-

тором молодые предприниматели с их свежим взглядом будут реализовывать новаторские проекты в новых нишах, противостоянию оттоку молодых специалистов из региона и удовлетворению потребности молодежи в самореализации.

Если мы говорим про реализацию молодежи сегодня в нашем регионе, то собственный, ну, бизнес, там, — это громкое слово. Самозанятость, свое дело — для некоторых это единственный выход как-то себя реализовать. (Псков, Карина, эксперт из области поддержки и сопровождения бизнеса)

При том, что многократно утверждается высокая значимость молодежного предпринимательства для региона, у агентов МП нет четкого понимания, как вовлечь молодежь в предпринимательство. Согласно одной позиции, в регионе благоприятная ситуация с трудоустройством (под этим не подразумевается, что каждый может найти себе работу по душе с достойной оплатой, скорее, что каждый может найти хоть какую-нибудь работу — как правило, это прекарная и низкооплачиваемая занятость), поэтому у молодежи нет инициативы идти в предпринимательство, число предпринимателей падает. Согласно другой позиции, в регионе неблагоприятная ситуация в вопросе зарплат, поэтому число людей, уходящих в предпринимательство, будет неуклонно расти.

На векторе «самореализация — приспособление» кадровая модель находится примерно посередине. С одной стороны, агенты МП подчеркивают, что самореализация молодежи в рамках инновационных, креативных, предпринимательских проектов — это благо; с другой стороны, деятельность агентов МП согласно этой модели направлена на приспособление молодежи к внешним условиям. Логика понимания благополучия молодежи исходит не из предпочтений и потребностей самой молодежи, а из тех правил, которые диктует современность. Под современностью, как правило, понимаются неолиберальные реалии, а адаптировать молодежь предполагается к жестким условиям рынка. По мнению ряда агентов МП, молодежь нужно «адаптировать к современному обществу»: будто бы молодежь находится за пределами общества, войти же в него она может только с помощью компетентных взрослых. Под обществом на самом деле понимается рынок труда, именно в приспособлении молодежи к нему видят свою миссию агенты МП.

Занимаюсь как раз-таки развитием молодежи, созданием инфраструктуры, которая позволяет развивать ее, мягко адаптировать в современное общество, и та среда, в которой они сегодня постепенно переходит в современный рынок труда. (Сыктывкар, Мария, эксперт из области госуправления)

Кадровая модель предполагает вертикальную организацию: агенты МП отводят себе роль «наставников», которые обладают знаниями об образе будущего, о необходимых молодежи компетенциях и требующихся для этого ресурсах, и передают эти знания молодым людям. Анализируя неолиберальные требования современной действительности, агенты МП отмечают необходимость подготовить к ним молодых людей и берут на себя задачи по созданию условий для наращивания их капиталов. При этом агенты МП не несут ответственности за итоги сво-

ей наставнической деятельности. Модель не предполагает социальных гарантий или длительной поддержки и требует от молодежи принятия полной ответственности за свое будущее и мобилизации всех мыслимых ресурсов для достижения успеха в условиях неолиберальной системы.

Ну, я считаю, не надо бояться завышать планку. Старайся, работай, напрягайся, не спи, плачь, нервничай, добивайся, борись. Иначе бесформенной медузой ты ничего не достигнешь в этой жизни. Если тебе не повезет в казино или в ТикТок там где-нибудь. (Калининград, Дмитрий, эксперт из области трудоустройства)

Картина благополучия молодежи в рамках данной модели принадлежит миру не настоящего, но будущего. Нарращивание компетенций молодежи совместными усилиями агентов МП и молодых людей воспринимается как долговременная инвестиция, которая окупится в некоем неопределенном будущем. В вопросе о будущем сторонники кадровой модели уверены, что наиболее выгодное положение в нем займут обладатели «новых профессий», которые на данный момент недостаточно развиты в регионе. Ряд экспертов эксплицитно проблематизируют недостаток представителей «новых профессий» — залога будущего процветания региона.

У нас очень мало IT-специалистов, которые действительно могут вывести какой-то отечественный продукт очень хороший, этих специалистов тоже очень мало в регионе. Когда мы говорим про искусственный интеллект, когда мы говорим о возможностях перехода на цифровую площадку каких-то организаций, мало специалистов по IT. (Сыктывкар, Мария, эксперт из области госуправления)

Оптимальным инструментом реализации кадровой модели полагаются мероприятия по наращиванию знаний, умений и навыков под руководством опытных специалистов: бизнес-инкубаторы, образовательные курсы, тренинги и так далее. Это, по замыслу агентов МП, предоставит молодежи достаточные ресурсы для эффективного противостояния вызовам времени.

В качестве барьера реализации кадровой модели можно выделить, во-первых, недостаточную информированность молодежи о существовании инструментов МП: имея стремление развиваться, молодые люди предполагают, что не найдут в регионе необходимых ресурсов, и уезжают. Другим серьезным барьером является навязанная агентам региональной МП роль «кузницы кадров» для крупных федеральных стейкхолдеров. Регион не может предложить молодым высококвалифицированным специалистам условия (в первую очередь финансовые), сравнимые с теми, которые предлагают крупные федеральные компании, в результате чего происходит отток специалистов из региона, причем, как правило, работников умственного труда, представителей быстро развивающихся цифровых профессий.

Мы задолбались быть кузницей кадров, потому что те молодые специалисты, которые приходят, они у нас, допустим, получают, там, ну, сходу там полтинник где-то, да, потом дорастают до восьмидесяти, кто-то до сотни, а им приходит предложение X2, ну, услов-

ного Яндексa, да. <...> И мы ничего не можем противопоставить, никто из петрозаводских компаний, которые работают на внутренний рынок, ничего не может противопоставить Яндексу, Сберу, Альфе, там, ну, вот крупняку, да, всякому там Х5, который идет. Они высасывают абсолютно все. (Петрозаводск, Валерий, эксперт в сфере бизнеса по направлению IT)

По мнению ряда агентов МП, в оттоке квалифицированных специалистов из региона нет ничего страшного, так как они все равно работают на развитие страны. Согласно же другой точке зрения, логическое продолжение этой модели — отток специалистов за рубеж, как только российские компании будут не в состоянии обеспечивать сравнимые доходы. Чтобы прервать эту цепочку, нужно предлагать молодым специалистам немонетарные источники мотивации, в числе которых называются личная заинтересованность местной компании в профессиональном росте и развитии сотрудника и формирование локального сообщества с благоприятным психологическим климатом.

Все три модели можно критиковать за отсутствие внимания к онтологической безопасности молодежи. Также всех их объединяет упущение внимания вовлеченных агентов к развитию инфраструктуры городов и мест, привлекательных молодежи. В нарративах экспертов крайне редко можно встретить внимание к городу, его инфраструктуре и предоставляемым ресурсам для качественного досуга молодежи. Крайне показательна цитата эксперта из госструктур Архангельской области: «Здесь очень много появляется прикольных, красивых, классных, удобных для жизни пространств разного вида: и больниц, и кафешек, и всего на свете» (Архангельск, Алена, эксперт из области госуправления). Обеспечение физического здоровья и утоления голода приравнивается к созданию комфортной городской среды, о «пространствах для жизни», заявленных в начале фразы, речи вовсе не идет. В нарративах агентов МП, проблематизирующих отсутствие ориентированности города на молодежь, мы встречаем осуждение повсеместной коммерциализации молодежных пространств, которая изолирует значительную часть молодежи и снижает ее шансы на получение качественного досуга, а ведь его отсутствие — одна из причин оттока молодежи из регионов.

Ну, [не хватает] каких-то пространств бесплатных, ну, прям вот бесплатных пространств. Потому что, вот, все, все настолько повязано на каких-то финансах, что, задумываясь о каком-то хобби, ты уже начинаешь копить, мысленно копить. Когда есть возможность попробовать и оценить — это как бы совсем другое, когда у тебя есть бесплатная возможность куда-то сходить. (Сыктывкар, Ольга, эксперт из сферы волонтерства)

Заключение

Ниша агентности МП представляет собой устойчивые коллаборации заинтересованных региональных органов, структур или агентов МП, вовлеченных в решение конкретного «молодежного вопроса» в регионе, продвигающих тот или иной вектор, актуальный для региона (или находящихся в оппозиции государственному видению молодежи благополучия). Своими действиями они меняют устойчивые структуры и среды.

В рамках исследования сложно дать ответ на вопрос, кто такие «агенты» ниш: конкретные управленцы региона или целая заинтересованная сфера, например, бизнес или креативный кластер. Мы считаем, что понимание «агентов» в нишах будет варьироваться от случая к случаю. Руководствуясь трактовкой агентности в контексте действия, способного менять социальную среду посредством трансформаций, выходящих за пределы объективных трендов саморазвития структур [Кравченко, 2022; Фетисов, 2022], мы не фокусировались на лицах, меняющих структуры МП в регионах Севера России, а анализировали качественные характеристики создаваемых коллабораций в нишах агентности городов исследования.

В данной статье мы встраиваемся в дебаты о нише агентности, начатые исследователями [Fondahl et al., 2019; Ivanova, Oglezneva, Stammer, 2022], которые видят потенциал расширения ниши агентности региональными акторами под эгидой центра (а не в противостоянии ему). В рамках тех или иных ниш могут создаваться совершенно новые векторы МП, причем не расходящиеся с федеральным законодательством в сфере МП: например, попытки развивать молодежные пространства, креативные кластеры и профессии будущего инновационными методами либо, напротив, «консервировать» методы решения молодежного вопроса, не приемля никаких инноваций и строго следуя молодежному законодательству как инструкции.

Мы выделяем три модели формирования ниш агентности: активистскую, родительскую и кадровую, — различающиеся характером суждений о молодежи региона, о процессе реализации МП и достижении молодежного благополучия. В каждом регионе или городе может реализовываться несколько моделей и формироваться несколько ниш — существующих параллельно друг другу или пересекающихся по некоторым параметрам. Эти ниши имеют ряд отличительных черт. Во-первых, каждой нише агентности в сфере МП присуще собственное прочтение молодежного благополучия. Наше исследование показало, что в регионах Северо-Запада России прогосударственными коллаборациями молодежное благополучие понимается как возможность для юношей и девушек проявлять активность и инициативность, например, через успешное трудоустройство молодых людей на производственные предприятия региона или их вовлеченность в «сферы будущего». Соответственно, на основании разных пониманий благополучия создаются партнерства, в которые вовлекаются игроки, разделяющие такое видение или заинтересованные в молодых как ресурсе (например, кадровом). Ключевые игроки выстраивают сети партнерств и определяют свои механизмы и инструменты в решении вопроса молодежного благополучия. Во-первых, создаются условные партнерства между органами МП, вузами и работодателями, выстраиваются линии совместных программ привлечения молодых на предприятия, распределяются роли игроков. Во-вторых, создаются специфические инструменты работы с молодежью: они могут быть разными, но дополняют друг друга или создают основу для успешного сотрудничества. В-третьих, субъекты в области МП, входящие в коллаборацию, могут расставлять приоритеты и развивать конкретный(е) вектор(ы), частично или в целом ассоциированный(е) с федеральным законодательством в сфере МП.

Однако здесь мы видим один нюанс: чем больше значимость какого-либо игрока (например, бизнес как ключевой интересант), тем больше он вовлекается,

лоббируя приоритеты и интересы всей коллаборации, выпуская из внимания другие стороны вопроса, на что также указывают исследователи [Ivanova, Oglezneva, Stammner, 2022]. В родительской модели роль ключевого игрока берут на себя заинтересованные в молодых специалистах предприятия либо университеты. В кадровой модели основные игроки — властные структуры, продвигающие приоритеты «сфер будущего» над всеми остальными, в то время как фактически регион не имеет таких конкурентных компаний, которые могли бы вовлечь молодежь в эти сферы, поэтому партнерства устанавливаются прежде всего с бизнес-инкубаторами и органами МП. В активистской модели чаще всего ключевым игроком выступают органы МП, развивающие, к примеру, волонтерство.

Предложенные нами модели отнюдь не исчерпывающи и не отображают все модели, применяемые в регионах России. Тем не менее они показывают, насколько разнообразно могут быть устроены ниши агентности и как МП может проявлять себя на местах, решая важные для региона вопросы, иногда только косвенно относящиеся к молодежной политике. На основе предложенных моделей в дальнейших исследованиях можно развивать концепцию ниш агентности, применяя ее не только к Северу, Арктике и Дальнему Востоку, но и другим регионам со специфическими климатическими условиями и миграционными дилеммами.

Список литературы (References)

1. Бочаров М. И., Кривошеков С. Г., Ануфриев Г. Н. Гендерные особенности нейротизма и вегетативной регуляции у молодых людей севера России // Экология человека. 2015. № 4. С. 3—13.
Bocharov M. I., Krivoschekov S. G., Anufriev G. N. (2015) Gender Features of Neurotism and Vegetative Regulation in Young People of Russian North. *Human Ecology*. No. 4. P. 3—13. (In Russ.)
2. Гутова С. Г., Данилова С. В., Самохина Н. Н., Брянский И. Н. Молодежь в условиях севера: социокультурные тенденции, миграция и качество жизни // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 10. С. 36—43. <https://doi.org/10.23672/q9122-1378-5854-b>
Gutova S., Danilova S., Samokhina N., Bryansky I. (2022) Youth in the North: Sociocultural Trends, Migration and Quality of Life. *Humanities, Social-Economic and Social Science*. No. 10. P. 36—43. <https://doi.org/10.23672/q9122-1378-5854-b>. (In Russ.)
3. Кравченко С. А. Амбивалентности цифровизации: востребованность ее национально-культурной модели для устойчивого развития // Социологические исследования. 2022. № 9. С. 29—37. <https://doi.org/10.31857/S013216250020181-2>
Kravchenko S. (2022) The Ambivalences of Digitalization: The Demand of its National-Cultural Model for Sustainable Development. *Sociological Studies*. No. 9. P. 29—37. <https://doi.org/10.31857/S013216250020181-2>. (In Russ.)
4. Маркин В. В., Силин А. Н., Воронов В. В. Образовательные траектории молодежи коренных малочисленных народов Севера: социально-пространственный

- дискурс // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 5. С. 141—154. <https://doi.org/10.15838/esc.2019.5.65.9>. Markin V. V., Silin A. N., Voronov V. V. (2019) Educational Opportunities for Young People of Indigenous Minorities of the North: Social and Spatial Discourse. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. Vol. 12. No. 5. P. 141—154. <https://doi.org/10.15838/esc.2019.5.65.9>. (In Russ.)
5. Недосека Е. В., Шарова Е. Н. Особенности жизненных стратегий молодежи в условиях Арктики // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 355—375. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1611>. Nedoseka E. V., Sharova E. N. (2020) Features of Youth's Life Strategies in the Arctic. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 355—375. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1611>. (In Russ.)
  6. Омельченко Е. Л. Воображаемые горизонты будущего. Жизненные ориентиры и миграционные планы молодежи Северо-Западного региона России // Социологические исследования. 2023. № 12. С. 121—135. Omelchenko E. L. (2023) Imaginary Horizons of the Future. Life Orientations and Migration Plans of the Youth of the North-West Region of Russia. *Sociological Studies*. No. 12. P. 121—135. (In Russ.)
  7. Омельченко Д. А., Омельченко Е. Л. В поисках дома. Региональная идентичность молодых калининградцев: жизненные стратегии и миграционные намерения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 6. С. 309—332. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.6.2317>. Omelchenko D. A., Omelchenko E. L. (2022) In Search of Home. The Regional Identity of Young Kaliningraders: Life Strategies and Migration Intentions. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 309—332. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.6.2317>. (In Russ.)
  8. Омельченко Е. Л., Лисовская И. В. Молодежь как барометр будущего? Молодежная повестка в современной России сквозь мнения экспертов по молодежной политике // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 66—92. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2078>. Omelchenko E. L., Lisovskaya I. V. (2022) Youth as a Barometer of the Future? The Youth Agenda in Contemporary Russia as Viewed by Youth Policy Experts. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 66—92. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2078>. (In Russ.)
  9. Семенова Н. Б. Особенности эмоциональной сферы коренной молодежи Севера как фактор риска суицидального поведения // Суицидология. 2011. Т. 3. № 2. С. 11—13. Semyonova N. B. (2011) Features of Emotional of Native Youth of the North as a Risk Factor for Suicide. *Suicidology*. Vol. 3. No. 2. P. 11—13. (In Russ.)
  10. Силин А. Н., Койшина Е. А. Свободное время городской молодежи на крайнем севере // Известия вузов. Социология. Экономика. Политика. 2016. № 1. С. 70—74.

Silin A. N., Koyshina E. A. (2016) The Urban Youth Leisure Time in the Far North. *News from Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*. No. 1. P. 70—74.

11. Сорокин П. С. Проблема «агентности» через призму новой реальности: состояние и направления развития // Социологические исследования. 2023. № 3. С. 103—114. <https://doi.org/10.31857/S013216250022927-2>.
Sorokin P. (2023) The Problem of «Agency» Through the Prism of a New Reality: Conditions and Perspectives. *Sociological Studies*. No. 3. P. 103—114. <https://doi.org/10.31857/S013216250022927-2>. (In Russ.)
12. Степусь И. С., Симакова А. В. Миграционные потоки выпускников вузов для работы в Арктической зоне России: количественный и качественный аспекты // Региональная экономика: теория и практика. 2018. Т. 16. № 10. С. 1872—1887. <https://doi.org/10.24891/re.16.10.1872>.
Stepus' I.S., Simakova A. V. (2018) Migration Flows of Higher-Ed Graduates to Work in the Arctic Zone of Russia: Quantitative and Qualitative Aspects. *Regional Economics: Theory and Practice*. Vol. 16. No. 10. P. 1872—1887. <https://doi.org/10.24891/re.16.10.1872>. (In Russ.)
13. Сулейманова О. А. «На Севере — жить?»: опыт переезда и миграционные установки молодежи Мурманской области // Труды Кольского научного центра РАН. 2020. № 19. С. 179—189. <https://doi.org/10.37614/2307-5252.2020.6.19.014>.
Suleymanova O. A. (2020) «In the North — to Live?»: Experience of Moving and Migration Attitudes of Young People of the Murmansk Region. *Transactions of the Kola Science Centre*. No. 19. P. 179—189. <https://doi.org/10.37614/2307-5252.2020.6.19.014>. (In Russ.)
14. Фетисов В. Я. Контуры диагноза для социологии // Социологические исследования. 2022. № 9. С. 14—28. <https://doi.org/10.31857/S013216250022304-7>.
Fetisov V. Ya. (2022) Contours and Strokes to a Portrait of Sociology. *Sociological Studies*. No. 9. P. 14—28. <https://doi.org/10.31857/S013216250022304-7>. (In Russ.)
15. Adams R.-M., Allemann L., Tynkkynen V.-P. (2021) Youth Well-Being in «Atomic Towns»: The Cases of Polyarnye Zori and Pyhäjoki. In: Stammli F., Toivanen R. (eds.) *Young People, Wellbeing and Placemaking in the Arctic*. London: Routledge. P. 222—240.
16. Coffey J. (2022) Assembling Wellbeing: Bodies, Affects and the 'Conditions of Possibility' for Wellbeing. *Journal of Youth Studies*. Vol. 25. No. 1. P. 67—83. <https://doi.org/10.1080/13676261.2020.1844171>.
17. Coleman B. R. (2021) Managing the Disconnect: A Critical Case Study of Neoliberalism in Youth Development Practice. *Journal of Community Psychology*. Vol. 49. No. 4. P. 907—926. <https://doi.org/10.1002/jcop.22350>.
18. Dankertsen A., Pettersen E., Otterlei J. B. (2021) 'If We Want to Have a Good Future, We Need to Do Something About It': Youth, Security and Imagined Horizons in the Intercultural Arctic Norway. *Acta Borealia*. Vol. 38. No. 2. P. 150—169.

19. Emirbayer M., Misch A. (1998) What is Agency? *American Journal of Sociology*. Vol. 103. No. 4. P. 962—1023.
20. Etter M., Goose A., Nossal M., Chishom-Nelson J., Heck C., Joobor R., Boksa P., Lal S., Shah J. L., Andersson N., Iyer S. N., Malla A. (2019) Improving Youth Mental Wellness Services in an Indigenous Context in Ulukhaktok, Northwest Territories: ACCESS Open Minds Project. *Early Intervention Psychiatry*. Vol. 13. P. 35—41. <https://doi.org/10.1111/eip.12816>.
21. Fondahl G., Filippova V., Savvinova A., Ivanova A., Stammler F., Gjørv G. H. (2019) Niches of Agency: Managing State-Region Relations Through Law in Russia. *Space and Polity*. Vol. 23. No. 1. P. 49—66. <https://doi.org/10.1080/13562576.2019.1594752>.
22. Gavrillov V. (2019) Russian Arctic Policy. In: Lackenbauer P.W., Lalonde S. (eds.) *Breaking the Ice Curtain? Russia, Canada, and Arctic Security in a Changing Circumpolar World*. Canadian Global Affairs Institute. P. 1—13.
23. Giddens A. (1991) *Modernity and Self-Identity*. Cambridge: Polity Press.
24. Gjørv G. H. (2012) Security by Any Other Name: Negative Security, Positive Security, and a Multi-Actor Security Approach. *Review of International Studies*. Vol. 38. No. 4. P. 835—859. <https://doi.org/10.1017/S0260210511000751>.
25. Hoogensen G. G., Bazely D., Christensen J. (2009) 'Human Security in the Arctic-Yes, It Is Relevant!', *Journal of Human Security*. Vol. 5. No. 2. P. 1—10. <https://doi.org/10.3316/JHS0502001>.
26. Ivanova A., Oglezneva T., Stammler F. (2022) Youth Law, Policies and Their Implementation in the Russian Arctic. In: Stammler F., Toivanen R. (eds.) *Young People, Wellbeing and Placemaking in the Arctic*. London: Routledge. P. 222—240. <https://doi.org/10.4324/9781003110019-11>.
27. Jiménez A. C. (2008) Introduction: Wellbeing's Re-Proportioning of Social Thought. In: Jiménez A. C. (ed.) *Culture and Well-Being: Anthropological Approaches to Freedom and Political Ethics*. London: Pluto Press. P. 1—32. <https://doi.org/10.2307/j.ctt18fs330.4>.
28. Karaganov S. A. (ed.) (2021) *Russian Policy in the Arctic: International Aspects*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics.
29. Kryazhkov V. A. (2013) Development of Russian Legislation on Northern Indigenous Peoples. *Arctic Review on Law and Politics*. Vol. 4. No. 2. P. 140—155. <https://www.jstor.org/stable/48710180>.
30. Kuhrt N. (2014) The Russian Far East in Russia's Asia policy: Dual Integration or Double Periphery? *Europe-Asia Studies*. Vol. 64. No. 3. P. 471—493. <https://doi.org/10.1080/09668136.2012.661926>.
31. Ljovkin V. E., Dettler G. F., Tukkel J. L., Gladun E., Ljovkina A. O. (2020) Can Digital Transformation Solve the Problem of Arctic Youth Migration Outflow? *Sustainability*. Vol. 12. No. 24. P. 1—12. <https://doi.org/10.3390/su122410685>.

32. McLeod J., Wright K. (2016) What Does Wellbeing Do? An Approach to Defamiliarize Keywords in Youth Studies. *Journal of Youth Studies*. Vol. 19. No. 6. P. 776—792.
33. McLeod J. (2017) *Wellbeing Machine: How Health Emerges from the Assemblages of Everyday Life*. Durham: Carolina Academic Press.
34. Ortner S. B. (2016) Dark Anthropology and Its Others: Theory Since the Eighties. *HAU: Journal of Ethnographic Theory*. Vol. 6. No. 1. P. 47—73. <https://doi.org/10.14318/hau6.1.004>.
35. Pitukhina M., Tolstoguzov O., Ilyin A. (2021) Live, Work or Leave? Arctic Youth Survey Results. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. Vol. 678. No. 1. P. 12—20.
36. Roth J. L., Brooks-Gunn J. (2015) Evaluating Youth Development Programs: Progress and Promise. *Applied Developmental Science*. Vol. 20. No. 3. P. 188—202.
37. Ryan R. M., Deci E. L. (2001). On Happiness and Human Potentials: A Review of Research on Hedonic and Eudaemonic Well-Being. *Annual Review of Psychology*. Vol. 52. P. 141—166.
38. Sergunin A. (2019) Arctic Security Perspectives from Russia. In: Lackenbauer P. W., Lalonde S. (eds.) *Breaking the Ice Curtain? Russia, Canada, and Arctic Security in a Changing Circumpolar World*. Calgary: Canadian Global Affairs Institute. P. 43—61.
39. Stammler F., Ivanova A. (2016) Resources, Rights and Communities: Extractive Mega-Projects and Local People in the Russian Arctic. *Europe-Asia Studies*. Vol. 68. No. 7. P. 1220—1244.
40. Stammler F., Hodgson K., Ivanova A. (2020) Human Security, Extractive Industries, and Indigenous Communities in the Russian North. In: Gjørsv H. G., Lanteigne M. Horatio S.-A. (eds.) *Routledge handbook of Arctic security*. London: Routledge. P. 377—391.
41. Stammler F., Toivanen R. (2022) The Quest for a Good Life: Contributions from the Arctic Towards a Theory of Wellbeing. In: Stammler F., Toivanen R. (eds.) *Young People, Wellbeing and Placemaking in the Arctic*. London: Routledge. P. 1—13.
42. Tysiachniouk M., Henry L. A., Lamers M., van Tatenhove J. P. M. (2018) Oil Extraction and Benefit Sharing in an Illiberal Context: The Nenets and Komi-Izhemtsi Indigenous Peoples in the Russian Arctic. *Society & Natural Resources*. Vol. 31. No. 5. P. 556—579. <https://doi.org/10.1080/08941920.2017.1403666>.
43. Udehn L. (2002) The Changing Face of Methodological Individualism. *Annual Review of Sociology*. Vol. 28. No. 1. P. 479—507. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.28.110601.140938>.
44. Wyn J., Cuervo H., Landstedt E. (2014). The limits of Wellbeing. In: Wright K., McLeod J. (eds.) *Re-thinking Youth Wellbeing: Critical Perspectives*. Singapore: Springer. P. 55—70.

Приложение. Таблица информантов

Город	Область экспертизы	Пол	Псевдоним
Архангельск	госуправление	Ж	Алена
Архангельск	госуправление	М	Дмитрий
Архангельск	бизнес	Ж	Ксения
Архангельск	бизнес	М	Евгений
Архангельск	бизнес	Ж	Кристина
Архангельск	образование	Ж	Евгения Игоревна
Архангельск	образование	Ж	Маргарита
Архангельск	образование	М	Роман Иванович
Архангельск	наука	Ж	Любовь
Архангельск	наука	М	Борис
Архангельск	карьера и трудоустройство	Ж	Дарья Петровна
Архангельск	волонтерство	Ж	Валентина
Калининград	госуправление	М	Илья
Калининград	госуправление	М	Василий
Калининград	госуправление	Ж	Регина
Калининград	бизнес	М	Дмитрий
Калининград	бизнес	Ж	Диана
Калининград	бизнес	Ж	Наталья
Калининград	образование	Ж	Лидия Петровна
Калининград	наука	М	Алексей
Калининград	наука	Ж	Алла
Калининград	культурный центр	М	Даниэль
Мурманск	госуправление	М	Валентин
Мурманск	госуправление	Ж	Анастасия
Мурманск	бизнес	Ж	Елизавета
Мурманск	бизнес	Ж	Эльмира
Мурманск	образование	М	Петр
Мурманск	образование	Ж	Лариса Степановна
Мурманск	образование	Ж	Раиса
Мурманск	наука	Ж	Елена Викторовна
Мурманск	наука	Ж	Алена Владимировна
Мурманск	волонтерство	Ж	Ирина
Мурманск	фестивали	Ж	Таисия
Петрозаводск	госуправление	М	Петр Васильевич
Петрозаводск	госуправление	М	Максим
Петрозаводск	бизнес	М	Валерий
Петрозаводск	бизнес	Ж	Жанна Валентиновна
Петрозаводск	образование	Ж	Катя
Петрозаводск	образование	Ж	Елизавета
Петрозаводск	наука	М	Евгений
Петрозаводск	наука	Ж	Ася

Город	Область экспертизы	Пол	Псевдоним
Петрозаводск	волонтерство	Ж	Камилла
Петрозаводск	волонтерство	Ж	Инна
Петрозаводск	культурный центр	Ж	Нина Андреевна
Псков	госуправление	Ж	Екатерина
Псков	госуправление	Ж	Надежда
Псков	бизнес	Ж	Карина
Псков	бизнес	Ж	Наталья
Псков	бизнес	М	Святослав
Псков	образование	Ж	Ирина Семеновна
Псков	наука	Ж	Ангелина
Псков	наука	Ж	Василиса
Псков	волонтерство	Ж	Тамара
Псков	волонтерство	Ж	Геннадий
Псков	предпринимательство	Ж	Анна
Сыктывкар	госуправление	Ж	Мария
Сыктывкар	госуправление	Ж	Элина
Сыктывкар	госуправление	М	Ярослав
Сыктывкар	бизнес	М	Степан
Сыктывкар	бизнес	Ж	Валерия
Сыктывкар	образование	М	Роман
Сыктывкар	наука	Ж	Равиль
Сыктывкар	наука	М	Инесса
Сыктывкар	волонтерство	Ж	Ольга
Сыктывкар	трудоустройство	Ж	Владислав